

Доналд Дж. Рэйли

РАБОЧИЕ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ: РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В САРАТОВЕ В КОНЦЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

В глазах большевиков события октября 1917 года являлись, несомненно, пролетарской революцией: именно так они изображали эти события, именно так они воспринимали их сами. Тем не менее, рабочие в Саратове, как и в других городах, вскоре почувствовали разочарование и даже отчуждение по отношению к новому однопартийному государству. Находясь в плену собственной идеологии, большевики объясняли это отчуждение не как реальное изменение в настроениях пролетариата, а как следствие “дезурбанизации” в ходе гражданской войны. Несомненно, социальные катаклизмы первых послеоктябрьских лет привели к сокращению численности рабочего класса в России и изменению его половозрастной структуры. Многие рабочие погибли. Большинство из тех, кто вступил в Коммунистическую партию, покинули свои станки и пополнили ряды формирующейся советской бюрократии. Во многих случаях, классовое сознание недавних рабочих, призванных в Красную Армию, вернувшихся в деревню или ставших безработными оказалось размытым. Тем не менее, ядро городского пролетариата осталось в цехах фабрик и заводов. Отношение этих рабочих к большевикам, вне всякого сомнения, изменилось. Некоторые историки считают, что классовое сознание не растворилось в ходе Гражданской войны, а трансформировалось в местное, “локальное” сознаниеⁱ. Данная статья показывает, что самосознание рабочего класса, по иронии истории, выражалось также в сопротивлении новому строю, принимавшем форму не только прогулов и уклонения от работы, но и открытой оппозицииⁱⁱ. Важно, что самосознание рабочих формировалось как интерпретация переживаемого и в ряде случаев позволяло им воспринимать

себя вне рамок, навязываемых им большевиками. Хотя данная статья и показывает, как экономические трудности во время гражданской войны вызывали активизацию рабочих, их недовольство не следует объяснять только материальными проблемами. Скорее, волнения в среде пролетариата следует объяснять политическим конфликтом, причем не с предполагаемыми классовыми врагами (то есть, с буржуазией), а с большевикамиⁱⁱⁱ, которых рабочие обвиняли в ухудшении своего экономического положения, расколе в среде демократических сил, политических репрессии и несбывшихся надеждах 1917 года.

Прежде чем обсуждать политические воззрения саратовских рабочих, необходимо вкратце рассмотреть воздействие гражданской войны на состояние промышленности и рабочей силы в городе. Столкнувшись с оппозицией со стороны рабочих, партия подчеркивала малочисленность квалифицированного, “сознательного” пролетариата, который по определению поддерживал власть большевиков^{iv}. Однако, данные переписей 1920 и 1923 гг. показывают, что с 1916 по 1920 гг. число рабочих в городе уменьшалось пропорционально сокращению саратовского населения в целом (с 232 000 до 190 000 чел.), и лишь после переписи 1920 г. ряды рабочего класса подверглись серьезному опустошению. В 1920 г. саратовский рабочий класс насчитывал 26 165 чел. (не считая 4 000 уборщиков, поваров, официантов и т.д., многие из которых были женщины). Из них наибольшая число (24,8%) приходилась на долю неквалифицированных рабочих. Среди других категорий наиболее многочисленными были металлисты (16,2%), работники транспорта (15,2%), железнодорожники (6,9%), строительные рабочие (5,8%) и речники (5,3%). Женщины, составлявшие 29,3% рабочих, были заняты в основном на швейных фабриках, в небольших мастерских разнообразного профиля, а также как неквалифицированные рабочие. Под воздействием гражданской войны, доля женщин занятых в ряде отраслей возросла. К началу 1920ых гг. женщины составляли 30% печатников (ранее в

этой отрасли были заняты в основном мужчины), а также выполняли большую долю тяжелых низкоквалифицированных работ на транспорте. Экономический кризис, нехватка сырья и закрытие ряда производств во время войны заставили многих рабочих сменить род занятий. При этом они обычно обращались на биржу труда, где их регистрировали в качестве безработных. Так или иначе, тяжелое положение экономики в конце гражданской войны и при переходе к НЭПу привело к сокращению рабочего класса в Саратове на 37,3% за период с августа 1920 по январь 1923 г. Следует подчеркнуть, что хотя к началу НЭПа две трети промышленных производств в губернии были закрыты, новое поколение рабочих и все большее число женщин из рабочих семей пополняли ряды местного пролетариата. Кроме того, важнейшие отрасли промышленности, взятые под контроль центральными властями, по-прежнему обеспечивались квалифицированной рабочей силой.

Крах экономики и политика военного коммунизма сопровождались закрытием заводов, безработицей, конфискациями, а впоследствии и поощрением кустарной промышленности. Изменилось также и то, *как* люди работали, и что они делали на рабочем месте. Рабочие не только получали мизерную зарплату, но зачастую работали за продовольственный паек или другие предметы первой необходимости. Чтобы прокормить свои семьи, рабочие должны были обращаться к услугам черного рынка и другим источникам доходов. В результате, им приходилось прибегать к расхитительству, они прогуливали, уклонялись от выполнения своих обязанностей, занимались посторонними вещами на рабочем месте. Качество и содержание труда в гораздо меньшей степени чем раньше определяли самосознание рабочего человека. Именно на этой основе формировалось теперь отношение рабочих к советской власти. Экономическая ситуация периода гражданской войны оставила несмываемый отпечаток на

индивидуальном и, возможно, коллективном сознании рабочих и привела к формированию культуры взаимозависимости в ситуации крайней нужды.

По мере того, как в 1918 г. саратовские заводы закрывались, переводились под контроль государства или переоборудовались в связи с нуждами военного времени, растущее безразличие и упадок трудовой дисциплины становились все более заметными^v. Ситуация еще более ухудшилась в 1919 г., когда нехватка топлива в марте и апреле привела к закрытию ряда фабрик. В связи с нехваткой сырья, на “Новой Этне” многие рабочие “болели”, но продолжали получать зарплату^{vi}. В апреле, когда елые вторглись в губернию и осадили Саратов, положение стало еще хуже. Рабочие были вынуждены проводить все свое время в поисках продовольствия, чтобы пополнить свои скудные пайки.

В одной из своих статей мне приходилось исследовать расхождения в языке между партийной прессой и секретными документами, хранящимися в архивах. Сопоставление этих источников показывает, как большевистский дискурс включал в себя два формирующихся, потенциально взаимоисключающих языка. Один из них может быть назван “внешним” языком партии. Он встречается в газетных текстах и пропаганде и представляет революцию в героических и триумфальных тонах. Второй, “внутренний” язык, употреблялся в секретных документах, не предназначенных для “широкого употребления”. Сопоставление этих двух лексических регистров показывает, как во время гражданской войны язык стал оружием в ожесточенной идеологической борьбе^{vii}.

В начале 1920 г. саратовские рабочие становились все более и более восприимчивы к анархистской и меньшевистской пропаганде. В этих условиях “внешний” язык коммунистической партии был вынужден признать крайнюю тяжесть положения на местных заводах. Большевистская пропаганда признала, например, что на металлургическом заводе “Сотрудник” не хватало дров, сырья и рабочих, особенно

неквалифицированных. Из-за низкой производительности, 35% рабочих были отправлены в отпуск. Как правило, условия были несколько лучше на заводах, выполнявших военные заказы, но и они испытывали значительные трудности. Университетские мастерские были единственным предприятием в России, выпускавшим запасные части для американского сапожного оборудования, поэтому положение их немногочисленных рабочих было относительно сносным. Рабочие завода “Жесть” также имели преимущество. Нехватка жидкого топлива и повсеместное использование дров повысили спрос на пилю, и к лету 1919 г. завод освоил их производство. Производительность резко поднялась с введением сдельной оплаты труда; тем не менее, 35% рабочих числились в отпусках по состоянию здоровья, и количество прогулов постоянно росло.

Тяжелые условия вызывали аналогичную реакцию и на других предприятиях. Завод Колесникова, ремонтировавший военные суда, нуждался в топливе и рабочих и испытывал проблемы с изношенным оборудованием. Сходным образом, табачная фабрика Левковича, на которой работали 515 человек, в основном женщины, имела запас табака для переработки, но его хищение “приняло угрожающие размеры”, и 31% работников взяли отпуска по болезни. Почти всех из них жаловались на больные легкие; многие страдали от туберкулеза. Резкое сокращение производительности труда и эпидемия прогулов были отмечены в протезных мастерских. Посвидетельству очевидцев, их работники были безразличны к поощрениям и занимались исключительно поисками еды. Антисанитарные условия и низкая производительность преобладали на городских бойнях и в центральной прачечной. Более того, уровень прогулов бил все рекорды. В среднем, уровень прогулов среди рабочих-металлистов в начале 1920 г. составил 20% и 5% среди техников и служащих. На заводе Озу этот уровень поднялся до 36%^{viii}. Производительность труда продолжала падать даже на железных дорогах, находившихся в ведении военных: к январю 1920 число

занятых там выросло вдвое, так как производительность сократилась на 50%^{ix}.

В 1920 г., в связи с попытками восстановить экономику, власти предприняли меры по улучшению заводских финансов, снабжению топливом, мобилизации профсоюзов и введением единоначалия на производстве. Однако, эти меры принесли лишь временное облегчение, и в течении всего 1920 г. ситуация продолжала ухудшаться^x. К началу 1921 г. уровень прогулов на саратовских заводах по-прежнему превышал 20% при крайне низкой производительности труда. Если уровень прогулов удавалось понизить, росло число рабочих, бравших отпуска по болезни. Более того, плохое питание, холод и антисанитарные условия делали свое дело: из 24 тыс. рабочих, обследованных в это время в Саратове, 1500 были больны туберкулезом^{xi}.

Пьер Бурдьё предложил рассматривать класс как социальное пространство или потенциальное состояние, складывающееся из экономического, социального и культурного “капитала”. Хотя все коллективы опирается на определенную экономическую и социальную базу, они в то же время являются символическими конструкциями, “ориентированными в зависимости от индивидуальных и групповых интересов (и, прежде всего, интересов тех, кто говорит от их имени)”^{xii}. Говоря от имени рабочего класса, партия большевиков пыталась навязать ему свои принципы “конструирования” реальности, пытаясь внедрить их в общую культурную схему. Ситуация выглядела парадоксально: большевики “конструировали” рабочий класс, который, в свою очередь, “конструировал” большевиков. Большевики, по их утверждению, установили диктатуру пролетариата, и чтобы оправдать ее, им была необходима поддержка рабочих. С этой целью большевики приписывали рабочим определенный символический капитал, которым партия могла манипулировать с помощью языка, употребляя то или иное значение термина “рабочий”. Используя

“класс” как средство исключения (или включения) в своих попытках перекрыть российское общество, большевики при помощи своего риторического арсенала “конструировали” рабочих. Превратившись в один из символов в этом арсенале, рабочие потеряли право на свой собственный голос, которым они обладали в 1917 году. Теперь за них говорила партия. С учетом особенностей партийного дискурса, статус рабочего теперь приобретался через “правильное” поведение. Класс стал социально-психологической проекцией, политико-моральной категорией. При этом любой акт неповиновения Советской власти вызывал символическое изгнание из рядов “настоящего” пролетариата и превращение в “другого”, принадлежащего к “низшему” классу. По словам одного саратовского коммуниста, “рабочий по своему классовому положению не может не быть коммунистом”^{xiii}.

Оба партийных языка рисовали иерархию пролетариата, в которой квалифицированные индустриальные рабочие представляли сознательный, революционный авангард, поддерживающий Советскую власть. Неквалифицированные рабочие и женщины занимали позиции внизу этой “пирамиды сознательности”. Но проблемы начались уже весной 1918, когда саратовский квалифицированные рабочие выразили свой протест против однопартийной диктатуры. Поскольку диктатура пролетариата являлась самым воплощением революции, партия предпочитала отрицать сознательное участие рабочих в этой оппозиции. Большевики изображали недовольство среди квалифицированных рабочих как временные колебания под воздействием лживой пропаганды других социалистических партий. В случае неквалифицированных рабочих и женщин, их недовольство объяснялось недостатком классовой сознательности и их податливостью враждебной пропаганде в условиях всеобщей нужды^{xiv}. По мере того, как Гражданская война набирала обороты, большевики начали объяснять трудовые конфликты физическим сокращением рабочего класса, представляя любое проявление

оппозиции как дело рук контрреволюционеров, саботажников и несознательных выходцев из крестьянства. “Внешний” язык партии утверждал, что большевистская агитация по-прежнему положительно влияла на “более сознательные, более преданные революции слои”. Однако, “значительнейшая часть трудящегося люда, среди которых немало и малограмотных, и совершенно неграмотных, остается вне нашей партийной работы, остается равнодушной, а иногда и враждебной рабоче-крестьянской революции”^{xv}. Партийная печать противопоставляла рабочих завода “Звезда”, поддавшихся “подрывному влиянию эсеров и меньшевиков”, женщинам-работницам, отвергавшим подобную “гнилую пропаганду”^{xvi}. В то же время, “внутренний” язык партии описывал рабочую оппозицию как проявление незрелости русского пролетариата. С одной стороны, этот подход оправдывал насилие ради высшей цели. С другой, однако, он был подозрительно близок к позиции меньшевиков, утверждавших, что в силу этой незрелости Россия была не готова к социалистической революции.

Поскольку репрессии вскоре ограничили возможность рабочих участвовать в политической жизни, следует обратить внимание на различные формы скрытой критики властей^{xvii}. Самосознание саратовских рабочих активно выражалось в таких повседневных способах сопротивления режиму, как голосование против большевистских кандидатов и предложений, неучастие в голосованиях при отсутствии реального выбора, пассивность, прогулы, расхитительство, освоение Советской риторики и использование ее в своих целях, распространение слухов и т.д. Образуя густую культурную сеть, эти формы самовыражения рабочих показывают, как они конструировали свою позицию. Их действия ясно показывают, что взгляды рабочих далеко не совпадали с позицией партии. В этом случае, класс следует понимать как точку пересечения материальной действительности и их понимания повседневной жизни.

Согласно Экстейну, даже в ситуации культурного распада подчинение властям обычно по-прежнему имеет место (особенно, в случае применения силы). Однако, это подчинение является ритуальным и оппортунистическим или продиктовано специфическим личным интересом. Другая стратегия может состоять в отчуждении от враждебного “большого” общества и выбор в пользу малых, локальных коллективов (семья, деревня и т.д.)^{xviii}. В любом случае, когда лишённое права голоса население пытается выразить несогласие с господствующими властями, оно зачастую невольно усваивает чуждые культурные формы. В качестве примера могут служить рабочие, которые не согласны с большевистским режимом и, тем не менее, принимают свою “особую” роль в большевистской социальной иерархии. Подобное усвоение выражается не просто в актах приспособления или сопротивления, но ведет к возникновению сложных форм взаимозависимости^{xix}.

По мере того, как заводы закрывались, по мере того, как продовольствие было все труднее и труднее доставать в атмосфере нарастающих репрессий, рабочие выражали свое недовольство (и свое коллективное самосознание) любыми доступными способами. Экономические проблемы предоставляли наибольший простор для выражения недовольства, и действия рабочих показывают, что они воспринимали экономику как часть политики. Они возражали против однопартийного режима, закрытия оппозиционных газет, попыток подчинить профсоюзы и других репрессивных мер. Они часто требовали введения секретного голосования при выборах в заводские комитеты, Советы и другие организации^{xx}. Требуя уравнительного распределения материальных благ, рабочие возражали против системы привилегий, и в то же время, под воздействием тяжелейшего экономического положения, старались использовать эту систему в своих целях. Большевики, со своей стороны, колебались между попытками подавить недовольство и пойти рабочим на

встречу. Когда партия чувствовала себя уверенно, ее “внешний” язык обычно или игнорировал рабочих, или превозносил до небес их достижения и революционный потенциал. Когда режим чувствовал опасность, его “внешний” язык обычно признавал существование проблем. Язык партийных документов, в то же время, выдавал готовность контролировать рабочих и подавлять их оппозиционность. Так, по окончании митинга железнодорожников 1 октября 1918 г. партийные органы составили список тех, кого необходимо было “изолировать”, состоявший из 114 имен. В список были включены не только те, кто был враждебен к Советской власти или подозревался в контрреволюционной деятельности, но также эсеры, меньшевики и лица “неправильного” социального происхождения^{xxi}.

По мере дальнейшего развала экономики и ужесточения борьбы за самые необходимые, но недоступные ресурсы, рабочие все более руководствовались своими личными, насущными интересами, а не теми, которые большевики считали естественными для пролетариата. Несмотря на все старания профсоюза, рабочие саратовского порта использовали любую возможность, чтобы уклониться от объявленной Советами мобилизации на разгрузку барж с дровами. Заключение, что высокооплачиваемые портовики рабочие привыкли следовать лишь собственным интересам и поэтому всячески уклоняются от мобилизации, Исполком решил лишить их пайков и в случае необходимости использовать войска для принуждения^{xxii}.

Отношения партии с рабочими оставались вплоть до осады города в апреле 1919 г. настолько напряженными, что, согласно секретным донесениям, партия рассчитывала лишь на четвертую часть из наличных 40 тыс. рабочих для “защиты революции в Саратове”. Согласно “Красной газете”, в марте 1919 “контрреволюционная агитация” и “самые вздорные, нелепые слухи” помешали избранию рабочих комитетов на саратовских табачных фабриках, где работали в основном женщины^{xxiii}. Обеспокоенный жалобами рабочих на недостаточную оплату, Исполком сопротивлялся

попыткам Четвертой армии взять под свой контроль местную типографию, опасаясь, что предоставление усиленных пайков и освобождения от военной службы создаст нежелательный прецедент^{xxiv}. У Исполкома были причины для опасений, так как большевистские ораторы на митинге в фабричной слободе были завалены “замаскированными” вопросами о повышенном жаловании “специалистам”^{xxv}. В донесении местного ЧК железнодорожное депо названо “гнездом контрреволюции”. Хотя железнодорожники были среди самых высококвалифицированных рабочих в городе, по мнению авторов, донесении они (1000 чел.) трудились совершенно неудовлетворительно. Это показывает, что большевики существенно переоценивали уровень симпатий к ним среди рабочих. Угрожая забастовкой, рабочие жаловались на нехватку продовольствия и обуви. По их мнению, положение рабочего класса было не лучше чем при самодержавии: по-прежнему, сыта была администрация, а не рабочие. Сравнение большевистской диктатуры с самодержавием стало общим местом критических выступлений среди саратовских пролетариев и частью их восприятия себя как “рабочего класса”. Делегаты Волжской региональной конференции железнодорожников уделяли особое внимание арестам, которые ЧК производила среди членов их профсоюза. По мнению делегатов, эти аресты ослабляли работу железных дорог; несомненно, также, что эти аресты, сократили число забастовок^{xxvi}.

Партия контролировала все проявления общественной жизни, а также снабжение продовольствием. Очевидно, что это предотвращало не только проявления насилия со стороны рабочих, но даже забастовки. Рабочие, однако, находили другие средства выражения своего недовольства. Так, некоторые профсоюзы (печатники, кожевники и другие) поддерживали меньшевиков и эсеров. Под влиянием меньшевиков, саратовский профсоюз печатников не только голосовал против большевиков, но даже отвергал примиренческую позицию меньшевистского ЦК, вынудив Губпрофсовет

“вмешаться” в его деятельность. На митинге независимых служащих, участники отказались создать коммунистическую ячейку и провалили большевистских кандидатов^{xxvii}.

Зима 1919-1920 гг. принесла новые проблемы. В городе не было топлива и электричества, водопроводные трубы замерзали и лопались, среди голодных горожан свирепствовали болезни, заводские инспекции признавали состояние большинства рабочих мест “неудовлетворительным”. Парадоксальным образом, победа над белыми принесла лишь ужесточение политики “военного коммунизма”. Попытки мобилизовать трудовые ресурсы продолжались, и декрет принятый в январе 1920 г. сделал труд на пользу государства обязательным для всех граждан. Вскоре саратовский исполком объявил, что все взрослое население будет участвовать в восстановлении железных дорог и речного флота, а также в пилке дров и очистке городе^{xxviii}. В марте и апреле советское правительство, стремясь повысить производительность, ввело новую систему премий на производстве. Более того, размер пайка теперь определялся не классовым происхождением получателя, а его “трудовыми успехами”. Стремясь повысить производительность власти приняли меры против прогулов (организовав специальные трудовые трибуналы), ввели единоначалие и реформировали профсоюзы. Одновременно была введена сдельная оплата труда, началось активное привлечение “буржуазных специалистов” и введение трудовых книжек, контролировавших перемещения работников. Эти шаги вызвали волну протестов по всей России, сплотив разобщенных до этого рабочих и вновь продемонстрировав, как формируется их самосознание. Беспорядки на производстве, в свою очередь, заставили большевиков отказаться от политики терпимости по отношению к другим социалистическим партиям, приведя в то же время к формированию оппозиционных групп среди самих коммунистов^{xxix}.

Несмотря на ужесточение политики партии, рабочие продолжали сопротивляться. На заводе “Сотрудник” рабочие игнорировали принудительные работы; не получив свои пайки, железнодорожники покидали рабочие места в поисках продовольствия^{xxx}. Другой типичный подход к проблеме демонстрировали рабочие мельницы №4, которые являлись на работу, отмечались на проходной и после этого отправлялись по своим настоящим делам – стоять в очередях. Многие шли еще дальше и появлялись на своих предприятиях только в день выдачи зарплаты. При проверке, проведенной без предупреждения в феврале 1920 г., оказалось, что не менее 55% рабочих отсутствовали на своих местах^{xxxii}.

Угроза монополии большевиков на власть исходила не только со стороны меньшевиков. Так, выборы на заводах “Жесть” и “Звезда” были выиграны анархистами (на нескольких других заводах победили революционные коммунисты^{xxxiii}). Вдобавок, анархисты выиграли публичные дебаты с большевиками во время митинга и сорвали рабоче-красноармейскую конференцию в марте 1920 г.^{xxxiiii} “Внутренний” язык партии объяснял рост популярности меньшевиков и анархистов враждебностью рабочих по отношению к мобилизации трудовых ресурсов. Это недовольство описывалось как “новый, не менее позорный вид дезертирства”^{xxxv}. Естественно, подобная интерпретация только оправдывала дальнейшее применения насилия. Более того, губернская профсоюзная конференция потребовала независимости рабочего движения и свободы прессы, поддержав таким образом меньшевистскую позицию. Местные “Известия” объявили участников конференции “волками в овечьей шкуре”, также известными как “социал-предатели – меньшевики и эсеры”^{xxxvi}. Когда от рабочих типографии №2 потребовали принять резолюцию, приветствующую Ленина и Троцкого, они проголосовали “ни против, ни за”^{xxxvii}.

Многие рабочие делали все возможное чтобы избежать “добровольного” участия в субботниках. Когда рабочие завода “Жесть” и некоторых других отказались участвовать в субботнике 1 мая 1920 г., партия объявила их действия “нарушением пролетарской дисциплины” и величайшим “преступлением против всего рабочего класса”. Этим воспользовался губернский комитет эсеров, выступивший против показательного “процесса” над рабочими. Эсеры обвинили большевиков в нарушении данных трудящимся обещаний, репрессиях и развале экономики^{xxxvii}. По сути дела, отрицая самостоятельную роль пролетариата, секретные партийные документы объясняли волнения на фабриках действиями оппозиционных партий^{xxxviii}. Так, ситуация на заводе “Звезда” стала взрывоопасной из-за того, что прячущиеся под маской “беспартийных” меньшевики взяли под свой контроль профсоюзы. Сходным образом, “внутренний” язык партии объяснял “враждебную” атмосферу в протезных мастерских активностью меньшевиков; на складах Нобеля меньшевики вели открытую агитацию только потому, что местная большевицкая ячейка была слишком малочисленна^{xxxix}. Тем не менее, волнения были вызваны именно сопротивлением рабочих, а не борьбой оппозиционных партий, и поэтому партийная идеология просто не позволяла большевикам замечать это сопротивление. Одиннадцатого мая, приписывая растущее число городских пожаров действиям “шпионов и саботажников”, власти ввели военное положение в двадцати четырех губерниях, включая Саратовскую^{xl}.

В этой напряженной обстановке партия старалась выйти из положения с наименьшими потерями. В июне 1920 г. губком призвал секретарей большевицких ячеек провести собрания беспартийных рабочих под лозунгом “Все для фронта”. Секретари ячеек должны были держать выборы под контролем, заранее наметив подходящих кандидатов и поддерживая их исподволь, не вызывая у рабочих подозрений^{xli}. Однако, ставший циничным пролетариат больше не поддавался на обман. Члены некоторых профсоюзов

отказались голосовать за резолюции, предложенные большевиками; в ряде случаев, рабочие объявляли “итальянскую” забастовку (т.е. занимали территорию предприятий). В июле на улицу вышли рабочие мельниц, протестуя против сокращения пайков, беспорядков в распределении дефицитных товаров и нехватки дров. Партийные документы признавали, что саратовские швеи оставались на рабочих местах только из боязни своих профсоюзных лидеров^{xliii}.

К августу 1920 г. в Саратове сложилась потенциально опасная ситуация. Лишь немногие понимали возможные последствия плохого урожая; в целом же, внутри партии царил оптимизм и вера в возможность скорого построения коммунистической экономики. Тем временем, почти каждый день в городе случались пожары. Один из них принес огромные разрушения, еще более усугубив тяжелое положение с жильем и накалив политические страсти. На мельницах, на заводе “Жесть” и других фабриках начались забастовки, вызвавшие волну арестов и репрессий. В сентябре, протестуя против новых тарифов оплаты труда и сокращения пайков, забастовали железнодорожники. Аресты только ухудшили ситуацию и заставили власти пойти навстречу рабочим^{xliiii}. Активную агитацию развернули меньшевики и эсеры, в то время как внутри самой партии разгорались споры вокруг будущего профсоюзов и роли рабочих в производстве. Чтобы прекратить многочисленные злоупотребления, партия в декабре приняла решение ввести более строгий учет отпусков по болезни и сократить расхищение материалов, принявшее на заводе “Жесть” размеры “эпидемии”. В случае с расхитительством, “Известия” сообщали, что ЦК отправила нескольких “главарей” в концлагерь, возможно пытаясь повлиять на действия рабочих. Одновременно, партия решила провести “небольшую чистку” на “Звезде” и удалить “хулиганствующие элементы” на “Жести”^{xliiv}. Следует подчеркнуть, что хотя брожение затронуло все слои саратовских рабочих, высококвалифицированные металлисты, железнодорожники и

печатники – наиболее “сознательные” рабочие – оказывали наиболее решительное сопротивление.

Рабочие возражали против репрессий, нарушений трудовой демократии и введения привелегий. Четырнадцатого января 1921 г. рабочие “Новой Этны” угрожали забастовкой, протестуя против ареста своих делегатов отъезжавших в Москву на конгресс ударников труда^{xlv}. В начале февраля рабочие “Новой Этны” обсуждали проблему неравной оплаты труда в связи с планами властей сократить продовольственные рационы. “Новая Этна” выполняла военные заказы, и поэтому рабочие этой фабрики получали дополнительные пайки. Это позволяло рабочим проводить меньше времени в поисках продовольствия; в результате, производительность здесь была несколько выше. Рабочие на других предприятиях, не связанных в нуждами армии, требовали прекращения “хаотического” распределения пайков и премий. По их утверждениям, они работали не хуже, чем товарищи на “Новой Этне”, но были физически истощены совершенно недостаточными рационами. Призывая большевиков разрешить проблему, рабочие “Новой Этны” предлагали не сокращать их пайки, а постепенно повысить оплату труда на остальных предприятиях^{xlvi}.

К зиме, с возвращением домой демобилизованных красноармейцев, ситуация продолжала ухудшаться. Многие рабочие открыто обвиняли большевицкий режим в своих лишениях. Нехватка топлива и сырья вынуждала фабрики простаивать; ползли слухи, что власти избивают и арестовывают недовольных рабочих, что Советская власть в других городах свергнута, что общественные столовые используют мясо собак и кошек. Как оказалось, эти слухи были не просто выражением недовольства, а лишь самым первым проявлением сопротивления со стороны рабочих. К концу февраля забастовкой угрожали строительные рабочие и швеи. В секретных донесениях этого периода говорится о всеобщем недовольстве нехваткой

продовольствия, его неравномерным распределением и повышенной оплатой труда ударников^{xlvi}.

Принятое в начале марта 1921 г. решение сократить и без того скудные пайки привело к практически всеобщей забастовке в Саратове, до сего времени не замеченной историками. Совпавшие о времени с волной крестьянских волнений в губернии, приближавшихся по своему масштабу с выступлениями на соседней Тамбовщине, с упадком дисциплины в местных гарнизонах и всеобщим недовольством среди непролетарских слоев городского населения, саратовские забастовки в начале 1921 г. были, в известном смысле, более опасны для большевиков чем белые армии. Репрессии, голод и некоторые шаги навстречу рабочим и крестьянам в конечном итоге смягчили остроту этого политического кризиса, предоставив большевикам шанс укрепить свою власть в истощенной стране^{xlvi}.

Начавшись 3 марта, стачка уже на следующий день распространилась на металлургические заводы и другие крупные предприятия; представили бастующих были отправлены в железнодорожные мастерские. На многочисленных собраниях участники всячески поносили большевиков. Следует отметить, что хотя волнения затронули все слои городского пролетариата (как рабочих, так и работниц), инициаторами беспорядков были именно *высококвалифицированные* рабочие, считавшиеся большевиками наиболее сознательными. В этих условиях, обеспокоенный губком согласился учредить специальную комиссию для исследования деятельности органов экономического управления и, особенно, столь непопулярной ЧК. Однако, заводские собрания по выдвижению кандидатов в эту комиссию превратились в трибуну для жесткой критики коммунистов. Несмотря на это, выборы несколько успокоили гнев рабочих и приостановили эскалацию конфликта. Тем временем, пока саратовские рабочие ожидали решения комиссии, волнения перекинулись в Покровск, на другом берегу Волги, где некоторые члены партии покинули свои ячейки и

присоединились к протестующим железнодорожникам, рабочим речного порта и даже местным чиновникам.

Особено ясно позиция рабочих отразилась в результатах выборов в специальную комиссию: среди 270 ее членов, в большинстве своем высококвалифицированных рабочих, было “менее 10” коммунистов. На своем первом собрании комиссия потребовала открытых выборов в саратовский Совет и освобождения политзаключенных. Губком, по всей видимости, приукрашивал ситуацию, рапортуя в Москву, что некоторые рабочие покидают комиссию, доверяя советским органам - скорее всего, эти рабочие просто опасались возможной кары. Одновременно, ЧК прилагала все усилия чтобы взять ситуацию под контроль, а партийные активисты пытались убедить рабочих, что большевики действуют в их интересах. Однако, несмотря на давления и угрозы, 150 оставшихся членов комиссии продолжали настаивать, что ключ к решению экономических проблем лежить в политической плоскости. Отклонив предложенную губкомом резолюцию о положении с поставками, рабочие делегаты вновь потребовали освобождения политзаключенных, новых выборов в Советы и все рабочие организации, независимости профсоюзов, свободы слова, печати и собраний.

Находясь в сложном положении, губком решил распустить комиссию прежде чем она смогла обнародовать постановление, призывающее к свободным выборам и независимости профсоюзов. Допуская “недостатки” в работе органов экономического управления, губком всячески подчеркивал “контрреволюционную” и “хулиганскую” сущность комиссии, несмотря на ее “здоровое ядро”. Однако, дополнительные меры, принятые губкомом, показывают, что большевики ожидали протестов со стороны рабочих. Губком сформировал Губернский Революционный Комитет, наделив его чрезвычайными полномочиями, и ввел военное положение в городе и частях гарнизона. Были арестованы лидеры бастующих, “не менее 200 человек, большинство которых были рабочими” и “контрреволюционеры” в Покровске.

Члены партии были мобилизованы на охрану губкома и местных партийных комитетов. Как отмечалось в секретном докладе, посланном в Москву, *“практически всеобщая стачка была ликвидирована в результате чрезвычайных усилий всего партийного и советского аппарата”*^{xlix}.

Хотя аресты обезглавили рабочее движение и ликвидировали непосредственную опасность для большевиков в Саратове, репрессии только подчеркнули растущее отчуждение между ними и трудящимися. Более того, донесения ЧК о настроениях масс во время “саратовского Кронштадта”, основанные на частых письмах примерно четырех сотен саратовцев¹, показывают, что население в целом симпатизировало рабочим, и “вся Саратовская губерния превратилась в большое восстание”^{li}.

Опустошив Саратовский университет, ряды местных чиновников и интеллигенции, суровые репрессии подавили рабочее движение и деятельность социалистических партий. В общей сложности, в марте 1921 г. ЧК завела 557 дел, большинство из них под рубрикой “контрреволюционная деятельность”. Двести девятнадцать человек были приговорены к расстрелу, остальные к разным срокам тюремного заключения. Кроме того, сеть информаторов в губернии была расширена и включала теперь 1758 человек. Большинство из них были членами партии, остальные были принуждены к сотрудничеству. В секретных донесениях ЧК признавала нежелание рабочих доносить на своих товарищей, отчасти потому что и рабочие, и администрация участвовали в “систематическом расхищении” сырья. В следующем месяце ЧК расстреляла еще 62 человека, 205 были отправлены в тюрьму^{lii}.

Несмотря на аресты, железнодорожники, портовые рабочие и печатники отказались прекратить забастовку. Хотя сочетание угроз и активной пропаганды НЭПа в конце концов сделали свое дело, вспышки забастовок и других форм протеста продолжались в течении всего 1921 г. Уверяя Москву, что рабочее движение “начинало умирать”, губком описывал

недовольство рабочих как вызванное исключительно экономическими причинами. Один из докладов признает, что забастовки имели политический характер, но объясняет их исключительно влиянием меньшевиков, отрицая какую бы то ни было самостоятельную роль рабочих. Подчеркивая влияние меньшевиков в двух типографиях, где рабочие призывали к восстановлению Учредительного собрания, губком намеревался провести показательный процесс с тем чтобы дискредитировать меньшевиков^{liii}.

Местные “Известия” на первых порах лишь крайне туманно упоминали о волнениях рабочих в Саратове, призывая население не поддаваться контрреволюционной агитации. Газета писала, что истинные причины кризиса - мировой капитализм, война, бандитизм, а также влияние врагов рабочего класса (т.е. буржуазии) и их наймиков (т.е. умеренных социалистов) ясны и понятны “для всех честных и мыслящих людей”. “Известия” отрицали факт “забастовок”, избегая назвать рабочие волнения этим словом из-за связанных с ним положительных коннотаций: “Были ли тут забастовки? Нет. Но не было и работы”. Описывая обсуждение рабочими вопроса, была ли Октябрьская революция преждевременной (меньшевицкая позиция) или нет, газета объясняла их недовольство тем, что “заговорил просто голодный желудок рабочего”, и в то же время допускала, что это недовольство было подогрето внешней агитацией.

Совпадения между “внешним” и “внутренним” языками партии показывают, что некоторые характеристики важнейших групп в российском обществе воспринимались большевиками как естественные и неизменные. Партия отрицала саму возможность политических волнений среди пролетариата и оправдывала рабочих, изображая их лишь пассивным орудием чужой воли. Саратовские “Известия” подробно описывали “изменническое” востание в Кронштадте и введение Новой Экономической Политики на Десятом съезде партии, лишь туманно намекая на факт волнений в Саратове. Газета призывала своих читателей сохранять

бдительность. По ее утверждению, события последних дней “являются прекрасным уроком для тех, кто думает, что битва с врагами революции и рабочего класса уже закончена”. Более того, “предатели редко показывают истинное лицо свое. Чаще они пользуются маской беспартийности и начинают с пустяковой критики: но всегда за критикой стараются совсем сорвать работу совета и советских органов. Такая попытка была и в Саратове. Она не удалась”. “Известия” отрицали как недостоверные сообщения в эмигрантской прессе и в передачах парижского радио о восстаниях в России, включая образование антибольшевицкой республики в Саратове. Газета приписывала авторство этих слухов “белогвардейско-эсеровскому заговору против Советской власти”^{liv}.

Официальная версия мартовских событий, предложенная большевиками, объясняла их действиями эсеровских и меньшевистских контрреволюционеров, подогревавших мелкобуржуазную “стихийность” саратовских рабочих. Участникам рабочего движения, таким образом, приписывалось неразвитое, до-индустриальное сознание. Большевики признавали, что рабочие, в большинстве своем беспартийные, находились в тяжелейшем экономическом положении, и что именно этим обстоятельством определялось их отношение к партии^{lv}. Таким образом, официальное объяснение мартовских волнений, предложенное большевиками, не призывало за ними какого бы то ни было политического значения. Партия отрицала центральную роль квалифицированных рабочих в забастовках, как и сам факт стачек, описывавшихся как “остановка работы” или “волынка”. Такое объяснение совершенно естественно, так как в противном случае партия рисковала подорвать значение своей победы в октябре 1917 г. и в гражданской войне. Подобная фразеология, однако, являлась не только и не столько сознательным искажением правды. Скорее, идеология большевиков определяла восприятие ими социальных групп, которые они “представляли”, и нового общественного порядка, который они строили.

Волны недовольства большевиками захлестывали Саратовскую губернию в течении всего 1921 года на фоне нарастающего голода и господства крестьянских банд в деревне^{lvi}. В мае, например, в донесениях отмечалась “катастрофическая ситуация в уездных городах” и в деревнях, где дети, покинутые отчаявшимися родителями, осаждали местные советы в поисках продовольствия. В Заволжье антисоветские настроения резко повысили популярность зеленых; крестьяне других уездов пытались укрыться от голода на Кавказа или на Украине. Хотя новый продналог и был одобрен крестьянами, они, похоже, не верили, что советское правительство действительно попытается провести это решение в жизнь. Некоторые саратовские рабочие угрожали забастовкой, а уровень прогулов среди железнодорожников поднялся до 50 процентов^{lvii}.

Нарастающий голод вызвал особенно резкий упадок дисциплины в июне. Прогулы и дезертирство достигли “колоссальных” размеров, особенно на железных дорогах. На металлургических заводах “Новая Этна” и “Котельный №1” рабочие призывали к обыскам у коммунистов, подозреваемых в сокрытии продовольствия. В июле рабочие деревообрабатывающей промышленности и грузчики прекратили работу и выдвинули целый ряд экономических требований. “Контрреволюционная” агитация усиливалась среди речников, которые выдвинули ставший весьма популярным лозунг “Не можете дать хлеба, уходите от власти”. Среди рабочих нарастало недовольство советскими чиновниками, которые использовали НЭП чтобы нажиться за счет трудового народа. Хотя недовольство так и не вылилось в забастовки, перерывы в работе и прогулы оставались крайне распространены, и рабочие по-прежнему собирались на политические митинги. Распространялись слухи, что Советский режим скоро падет под ударами новой интервенции, и к власти придет Миллюков^{lviii}. В этих условиях большевики старались расширить сеть информаторов, чтобы

подавить деятельность подпольных партий и иметь надежную информацию о настроениях масс^{lix}.

По донесениям ЧК, настроения в городе в конце 1921 и в течении всего 1922 годов были еще “хуже” в связи в ростом цен на рынках и массовыми сокращениями на саратовских заводах^{lx}. Следует отметить, что в этот период донесения ЧК по-прежнему объясняют недовольство исключительно продовольственными проблемами, полностью отменяя политические требования рабочих. Из документов также очевидна наивная вера в то, что если индивидуальные ошибки отдельных коммунистов будут исправлены, то слова “партия” и “советская власть” опять станут синонимами^{lxi}.

По утверждениям большевиков опустошение городов в ходе Гражданской войны привело к “депролетаризации” рабочего класса. Данная статья показывает, что подобные доводы большевиков были несостоятельны. Хотя война сократила численность саратовского пролетариата и изменила его структуру, большинство рабочих оказались под угрозой “деклассации” *после* окончания военных действий. Сознательные квалифицированные рабочие, составлявшие опору большевиков, существовали только символически в партийной риторике. В реальной жизни, поведение рабочих не соответствовало партийным догмам, и они не собирались отказываться от своей автономии. В известном смысле, методы сопротивления, используемые рабочими, отражали классовое сознание, формирующееся именно в ходе попыток сохранить свою независимость.

Рабочее движение во время Гражданской войны оказалось не способным изменить сущность большевицкого режима в силу целого ряда причин. Важную роль здесь сыграли репрессии. Кроме того, большевикам удалось взять под контроль риторику и организационную структуру рабочего движения^{lxii}. Так, профсоюзы стали в конце концов частью партийного аппарата. Однако, большевикам пришлось преодолеть на этом пути существенное сопротивление; после того как партии удалось взять

профсоюзы под свой контроль, рабочие потеряли к ним всякий интерес. Когда в 1921 г. членство в них перестало быть обязательным, начался массовый отток рабочих. Более того, жесткая борьба за скудные наличные ресурсы во время гражданской войны не только разобщила рабочих и сузила их интересы, но и лишила лозунг интернационализма всякого реального содержания. Несоответствие заработной платы реальному уровню цен, хроническая нехватка предметов первой необходимости и массовая безработица заставляли рабочих изобретать все новые способы выживания в ущерб их политической активности. Таким образом, экономические трудности определяли поведение рабочих и, в то же время, ограничивали их выбор: контроль за запасами продовольствия, голод и физическое истощение населения существенно помогли партии выжить в годы гражданской войны.

“Внешний” язык партии настаивал, что проявления враждебности со стороны рабочих и крестьян вызваны лишь экономическими трудностями, и улучшения в этой сфере восстановят популярность партии. Однако, секретные донесения ЧК признавали, что несмотря на подавление других социалистических патрий и насилие, большевики могли рассчитывать лишь на холодное отчуждение со стороны масс. Более того, в условиях НЭПа положение части населения могло временно еще более ухудшиться. Тем, кто выигрывал от НЭПа могло показаться, что большевики капитулируют перед своими соперниками. В этих условиях, партия должна была сохранять бдительность. Почему же вооруженная борьба не возобновилась? Ситуация в это время определялась не только репрессиями со стороны большевиков или их готовностью пойти на встречу оппонентам, но и голодом. По иронии истории, хотя острая нехватка продовольствия и стала непосредственной причиной рабочих волнений, она же помогла большевикам удержать власть.

В годы гражданской войны между рабочими и однопартийным государством сложились новые отношения. Рабочие были вынуждены приспособливаться, сопротивляться и обходить существующие правила игры.

Частью повседневной жизни становились полное или частичное неучастие в различных мероприятиях, уклонение от выполнения обязанностей и враждебность к режиму. Более того, если интерпретировать действия рабочих как отражение их политических настроений, растущий раскол между ними и однопартийным государством становится очевидным. Поведение рабочих подрывало образ пролетариата, создаваемый большевиками в их риторике, которую, к тому же, рабочие стремились использовать в своих целях. В результате возникли курьезные формы взаимозависимости между большевиками и пролетариатом. Возможно, именно тогда родилась известная фраза “Мы делаем вид, что работаем, а государство делает вид, что платит нам”. Долгосрочные последствия революционных преобразований обычно отклоняются от первоначальных планов и “отражают состояние общества во время революции”^{lxiii}. Другими словами, многие черты советской действительности, обычно ассоциируемые с более поздним периодом, проявили себя уже в 1918-1922 гг. Судя по недавним исследованиям рабочих протестов в годы сталинщины, образ пролетариата, сложившийся у рабочих в ходе Гражданской войны, сохранялся в их сознании гораздо дольше, чем возможность его публично выразить.

ⁱ Diane P. Koenker, “Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War,” in *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, ed. by Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, and Ronald G. Suny (Bloomington, 1988), 97-99.

ⁱⁱ John and Jean Comaroff, *Ethnography and the Historical Imagination* (Boulder, 1992), 157.

ⁱⁱⁱ Как показал Жак Рансьер, сознание рабочего класса частично формировалось под воздействием образа “другого” (буржуа). См. Jacques Ranciere, *The Nights of Labor: The Workers’ Dream in Nineteenth-Century France* (Philadelphia, 1989).

^{iv} Более подробно на эта тема будет обсуждена в главе 11 моей новой книги. См. Donald J. Raleigh, *Experiencing Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922*.

^v *Известия Саратовского Совета* (далее ИСС), №113, 11 июня 1918, с.3.

^{vi} Документы, описывающие ситуацию на “Новой Этне”, хранятся в Государственном Архиве Саратовской Области (далее ГАСО), ф.2972, оп.3, д.3, л.18; также *Красная газета* (далее КГ), №330, 16 апреля 1919, с.3.

^{vii} Donald J. Raleigh, “Languages of Power: How the Saratov Bolsheviks Imagined Their Enemies,” *Slavic Review* 57, no. 2 (1998): 320-49.

^{viii} ИСС, №45, 25 фев. 1920, с.2; №46, 26 фев. 1920, с.2; №85, 18 апр. 1920, с.4; №90, 24 апр. 1920, с.3; №95, 30 апр. 1920, с.3; “Отдел металла и металлообрабатывающая промышленность в Саратовской губернии (1917-1920 гг.)”, *Экономическая жизнь*, №1-2 (1920), с.10.

^{ix} *Приволжский красный путь*, №1 (1920), с.12.

^x Литвиненко, “Завод Коммунист”, *Нижнее Поволжье*, №5 (1933), с.39-40.

- ^{xi} ИСС, №67, 27 марта 1921, с.3; №69, 30 марта 1921, с.3; №74, 5 апр. 1921, с.2; №80, 13 апр. 1921, с.2; №232, 14 окт. 1921, с.3.
- ^{xii} Pierre Bourdieu, "What Makes a Social Class? On the Theoretical and Practical Existence of Groups," *Berkeley Journal of Sociology* 32 (1987): 3-4, 9, 13-14.
- ^{xiii} Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСО), ф.136, оп.1, д.9, л.7.
- ^{xiv} Raleigh, "Languages of Power," *passim*.
- ^{xv} ИСС, №171, 7 авг. 1919, с.2.
- ^{xvi} Там же, №209, 21 сен. 1919, с.3.
- ^{xvii} James C. Scott, *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts* (New Haven, 1990), xii-xiii.
- ^{xviii} Harry Eckstein, "A Culturalist Theory of Political Change," *American Political Science Review* 82, no. 3 (1988): 797.
- ^{xix} Comaroff and Comaroff, *Ethnography*, 43, 176.
- ^{xx} См. Доналд Дж. Рейли, *Experiencing Civil*, глава 12.
- ^{xxi} ЦДНИСО, ф.81, оп.1, д.2, лл. 2-4.
- ^{xxii} В.П. Антонов-Саратовский, (ред.), *Саратовский Совет рабочих депутатов: Сборник документов*, М.-Л., 1931, с.667-669.
- ^{xxiii} *Красная Газета*, №308, 16 марта 1919, с.3.
- ^{xxiv} ГАСО, ф.521, оп.2, д.34, л.103.
- ^{xxv} ИСС, №167, 2 авг. 1919, с.3.
- ^{xxvi} ЦДНИСО, ф.27, оп.1, д.76, л.112; смотри также *Приволжский красный путь*, №6-7 (1919), с.44-454; №11-12 (1919), с.6-7.
- ^{xxvii} ИСС, №253, 14 ноября 1919, с.4; №269, 3 дек. 1919, с.3; №278, 13 дек. 1919, с.3.
- ^{xxviii} ГАСО, ф.456, оп.1, д.336, л.8. Также смотри С.И. Гусев, *Трудовые мобилизации и трудовые армии в саратовской губернии. Материалы к 9-му съезду РКП*, (Москва, 1920).
- ^{xxix} Jonathan Aves, *Workers against Lenin: Labour Protest and the Bolshevik Dictatorship* (London and New York, 1996), 2, 5-38.
- ^{xxx} ИСС, №274, 9 дек. 1919, с.3; ЦДНИСО, ф.81, оп.1 д.33, л.83.
- ^{xxxi} ИСС, №32, 11 фев. 1920, с.3.
- ^{xxxii} Отколовшиеся от левых эсеров, революционные коммунисты до последнего времени были не замечены историками. См. Доналд Дж. Рейли, "Большевики и революционные коммунисты Саратовской губернии в годы Гражданской войны", *Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов*, под. Ред. А.А. Германа, вып.3, часть 2 (Саратов, 1999): 3-11.
- ^{xxxiii} *Новый мир*, №2 (14 фев. 1920), с.9; ЦДНИСО, ф.81, оп.1, д.33, л.19; ф.151/95, оп.1, д.53, л.15; ИСС, №62, 17 марта 1920, с.3; *Приволжский красный путь*, №3-4 (1920), с.13.
- ^{xxxiv} С.И. Гусев, *Очередные вопросы хозяйственного строительства (О тезисах ЦК РКП): Материалы к 9-му съезду РКП*. (Саратов, 1920). С.3-9.
- ^{xxxv} ИСС, №56, 9 марта 1920, с.3; №99, 6 мая 1920, с.4.
- ^{xxxvi} ИСС, №100, 7 мая 1920, с.4.
- ^{xxxvii} РЦХИДНИ, ф.274, оп.1, д.18, лл.26-26 об.
- ^{xxxviii} ЦДНИСО, ф.136, оп.1, д.43, л.20; ф.27, оп.1, д.491, л.149.
- ^{xxxix} ГАСО, ф.3310, оп.1, д.1, лл.2-7.
- ^{xl} Aves, *Workers against Lenin*, 33.
- ^{xli} ЦДНИСО, ф.136, оп.1, д.36, л.11.
- ^{xlii} Там же, ф.27, оп.1, д.492, лл.14, 81, 83, 100.
- ^{xliiii} Там же, ф.27, оп.1, д.507, л.7; д.758, л.17; ф.81, оп.1, д.31, лл.9, 13; ГАСО, ф.629, оп.1, д.78. В июле журнал "На транспорте" сообщал, что производительность труда, дисциплина и сознательность были повсеместно на подъеме; к сентябрю, однако, подобная риторика стала невозможной, и журнал признавал, что многие рабочие покидают свои места и занимаются спекуляцией (см. №43, 17 июля 1920, с.24; №99, 13 окт. 1920, с.2).
- ^{xliiv} ЦДНИСО, ф.81, оп.1, д.28, л.418; д.31, лл.24, 31; ИСС, №284, 14 дек. 1920, с.3.
- ^{xliv} ЦДНИСО, ф.44, оп.1, д.5, лл.75-75 об.
- ^{xlvi} Там же, ф.44, оп.1, д.5, лл.82-83.
- ^{xlvii} ИСС, №6, 11 янв. 1921, с.5; №10, 15 янв. 1921, с.2; И.Р. Плева, *Из истории саратовских профсоюзов, 1917-1922 годов* (Саратов, 1985), с.13; ЦДНИСО, ф.138, д.38, л.47.
- ^{xlviii} О крестьянских восстаниях в Саратовской губернии, смотри Доналд Дж. Рейли, "Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце Гражданской войны", *Волга* (в печати, 2000).
- ^{xlix} Используются данные из секретных донесений губкома в ЦК. Смотри ЦДНИСО, ф.27, оп.2, д.43, лл.75, 76, 94, 124, 136. Также смотри РЦХИДНИ, ф.17, оп.13, д.869, л.4; ф.17, оп.13, д.867, л.3; ГАСО, ф.520, оп.1,

д.633, л.4; В.П.Антонов-Саратовский, *Советы в эпоху военного коммунизма: Сборник документов, часть 2*, (Москва, 1929), с.176-180 (курсив мой).

ⁱ ГАСО, ф.21, оп.2, д.45, лл.1-23 об.

ⁱⁱ Там же, ф.521, оп.2, д.45, л.14. Выдержки из писем показывают, что под влиянием большевиков уже определились границы того, что считалось дозволенным в письмах. Некоторые фразы выглядят откровенными и даже наивными, но многие уже написаны эзоповым языком. См. Donald J. Raleigh, *Experiencing Civil War*, глава 12.

ⁱⁱⁱ ГАСО, ф.521, оп.5, д.11, лл.37-38; ф.521, оп.5, д.18, лл.1-2.

ⁱⁱⁱⁱ См. Donald J. Raleigh, *Experiencing Civil War*, глава 12.

^{lv} ИСС, №50, 5 марта 1921, с.1; №51, 6 марта 1921, с.1-2; №53, 9 марта 1921, с.1; №54, 10 марта 1921, с.1; №55, 11 марта 1921, с.1; №56, 12 марта 1921, с.2; №57, 15 марта 1921, с.1; №6222 марта 1921, с.1; №66, 26 марта 1921, с.1; №77, 9 апреля 1921, с.4.

^{lv} ИСС, №74, 5 апреля 1921, с.3; №78, 10 апреля 1921, с.3. См. также *Советская деревня*, №40, 19 июня 1921, с.1.

^{lvi} ЦДНИСО, ф.27, оп.2, д.44, л.137. В декабре 1921 губисполком, опасаясь беспорядков, усилил охрану правительственных зданий. ГАСО, ф.521, оп.4, д.9, л.1.

^{lvii} ГАСО, ф.521, оп.1, д.643, лл.4-5; д.718, лл.19, 30. См. также ГАСО, ф.456, оп.1, д.663, лл.101, 106, 118; РЦХИДНИ, ф.17, оп.13, д.867, лл.1-3.

^{lviii} ГАСО, ф.521, оп.1, д.643, лл.8-8 об., 11; ф.521, оп.5, д.11, лл.39-41 об.; ф.521, оп.1, д.716, лл.1-1 об.

^{lix} РЦХИДНИ, ф.17, оп.13, д.867, л.86.

^{lx} ГАСО, ф.521, оп.1, д.643, лл.13-16 об.

^{lxi} ЦДНИСО, ф.27, оп.2, д.826, лл.39, 42, 63, 78.

^{lxii} Richard Sakwa, *Soviet Communists in Power: A Study of Moscow during the Civil War, 1918-21* (London, 1988), 269.

^{lxiii} Eckstein, "A Culturalist Theory," 800